

БАЛ КАК КУЛЬТУРНАЯ КОНСТАНТА МОДЕРНА И ПОСТМОДЕРНА

Одним из глобальных катализаторов культурного развития общества являются смены социально-экономических формаций в целом и историко-культурных эпох в частности. Несмотря на крайнюю «болезненность» (состояние кризиса, нестабильности, неопределенности, массового пессимизма и т. п.) и во многом деструктивный характер подобных переходов (разрушение отлаженного социально-политического и социально-культурного механизма, неприятие рожденных им культурных ценностей, непримиримый антагонизм старого и нового), невозможно отрицать их важную роль в эволюции социума. В соответствии с логикой гегелевского закона отрицания отрицания, человечество с каждым новым глобальным кризисом переходит на качественно иную ступень своего развития.

Рубеж XIX – XX вв. породил очередной социоэкономический, социополитический и социокультурный коллапс, обусловивший смену историко-культурных эпох и связанных с этим парадигмальных установок в науке, культуре и искусстве, осмысленных с позиций философии. Эпоха модерна беспощадно низвергла культурный опыт прошлого, тем самым обесценив его традиции и смыслы, переориентировав вектор развития с гуманистического на дегуманистический. Провозгласив «смерть Бога» (Ф. Ницше), европейское общество оказалось лишенным своего главного духовного остова – веры. Разум, данный человеку Всевышним, отныне перестает быть доминантным качеством личности, более того, он воспринимается как ее «болезненное состояние», ибо «сфера бессознательного шире и важнее области знания и разума» [2, с. 107]. Альтернатива разуму видится в повсеместном господстве игры, возводимой в статус «универсальной истины», «приравненной к искусству» (Л. Стрельникова). Если в культуре прошлого, согласно Ф. Достоевскому, мир спасала красота, то в XX столетии эта миссия была возложена на игру, освобождающую сферу субъективно-бессознательного от «оков» объективной разумности.

На фоне обозначенного глобального хаоса, в который погрузилась Европа, в качестве своеобразной «антитезы» выделяется феномен бала – одна из знаковых культурных традиций прошлого. Если в первом десятилетии минувшего века бальная практика еще естественно вписывалась в контекст начала новой эпохи, когда, по словам В. Набокова, «фантастически перемешивалось новое со старым, либеральное с патриархальным, фатальная нищета с фаталистическим богатством» [1], то уже после 1914 г., с окончательным утверждением модернизма, ее существование в «иномродном» культурном контексте требует логичного объяснения.

Оно кроется в сути данного явления, смысловой фундамент которого основан на единстве искусства и игры, обуславливающим константную актуальность бальной культуры на протяжении всей истории ее существования (со времен Позднего Средневековья и до настоящего времени). При этом возможно говорить об условной акцентуации между обозначенными семантическими константами в зависимости от типа бала. Так, на традиционных бальных мероприятиях маркировался художественный концепт, а на балах-маскарадах – игровой.

Становится очевидным, что продолжение онтогенеза бала в условиях новой, на первый взгляд, абсолютно чуждой ему реальности XX в., является вполне оправданным и логичным. В контексте модернизма высокородные классические балы выступали своеобразным противопоставлением нигилистическим веяниям нового времени, «хранителями» культурных традиций Прошлого (грандиозные балы в Венской и в Дрезденской опере, «Бал роз» в Монте-Карло, балы дебютанток во многих странах Европы и Америки и др.). В условиях рефлексивного постмодернизма они выпол-

няли роль «культурных реминисценций», ценностных ориентиров, выступая одним из инструментов, с одной стороны, выхода социума из состояния хаоса и нестабильности, с другой – преодоления человеком личностного кризиса, связанного в том числе и с проблемой самоидентификации.

Балы-маскарады, благодаря маркировке игровой функции, на протяжении всего прошлого столетия вызывали к себе постоянный интерес. В эпоху постмодерна костюмированные балльные мероприятия привлекали к себе внимание европейской элиты. Ее наиболее финансово состоятельные представители организовывали блистательные балы-маскарады в духе постмодернизма с характерной для него тотальной иронией. Получив широкий общественный резонанс, эти маскарадные балы превратились в своеобразный тренд постмодернистской культуры (а-ля балы-маскарады в духе постмодернизма – бал миллионера Дона Карлоса де Бейстегуя в палаццо Лабия в Венеции, 5 сентября 1951; «Черно-белый бал» писателя Трумена Капоте в отеле Plaza в Нью-Йорке, 28 ноября 1966; «Восточный бал» барона Алексиса де Реде в особняке Hotel Lambert в Париже, 5 декабря 1969; «Бал Пруста» Мари-Элен Ротшильд в загородном замке Ферьер недалеко от Парижа, 10 июля 1971; «Бал сюрреалистов» Мари-Элен Ротшильд в том же замке Ферьер, 12 декабря 1972 и др.).

Публичные балы, благодаря прежде всего игровому компоненту, в XX в. выступают своеобразной «зоной отдыха» от социальных катаклизмов и тяжелой рутины повседневности. В силу объективных обстоятельств к середине прошлого столетия они (общественные балы) практически утратили свою идентичность, сливаясь с иными формами танцевальных мероприятий.

Резюмируя вышеизложенное, можно утверждать, что в эпоху модерна и постмодерна бал выступал важной культурной константой, необходимым связующим звеном между прошлым и настоящим.

Список литературы

1. Набоков, В. Другие берега / В. Набоков. – URL: <https://libking.ru/books/nonf-/nonf-biography/1131049-4-vladimir-nabokov-drugie-berega.html#book> (дата обращения: 16.12.2021).
2. Стрельникова, Л. Ю. Эстетическая концепция игры как парадигма литературы модернизма и постмодернизма / Л. Ю. Стрельникова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика, 2015. – Т. 15. – Вып. 3. – С. 104–110.

УДК 398.331

**Кудашов В. Ф.,
Короткова С. Н.**

*Санкт-Петербургский государственный
институт культуры*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАЗДНИЧНОГО КАЛЕНДАРЯ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ПЕТРА I. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Феномен праздничной культуры петровского времени всегда представлял и представляет особый интерес для исследователей в историческом, политическом, культурном и других контекстах. Но несмотря на достаточно большое количество работ, посвященных этой теме, на сегодняшний день многие аспекты данной проблематики остаются нераскрытыми, требуют более скрупулезного изучения и анализа. К таким вопросам можно отнести и заимствование европейских праздничных форм. Чем оно было обусловлено и каков был характер этих изменений? Было ли это заимствование сделано впервые, спонтанно или все-таки это результат долговременного процесса развития праздничной культуры России? Как изменилось соотношение сакрального и профанного в официальном празднике в годы правления Петра I? Раскрытие этих вопросов требует определенного исторического экскурса, обращения к истории допетровской России.